

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Телятников Александр Алексеевич

студент Юридического института Сибирского федерального университета, РФ, г. Красноярск

Протопопова Татьяна Витальевна

научный руководитель, доц. Юридического института Сибирского федерального университета, РФ, г. Красноярск

Российскую Федерацию как конституционно оформленное правовое государство определяют два основных признака: во-первых, провозглашение приоритета человека и его прав по отношению к иным социальным ценностям; во-вторых, приоритет права.

Таким образом, идея приоритета правовой защиты человека выступает основным принципом построения и развития правового государства [1, с. 3]. А правосудие — важнейший государственный инструмент правовой защиты человека.

Спор о том, какой институт является ведущим в процессе становления правового государства в России: гражданское общество или судебная система (правосудие), бесперспективен, поскольку названный состав элементов диалектически взаимосвязан друг с другом.

Проблема правового государства, его понятие и признаки, многократно описанные в литературе, до сих пор не сведены в монографические исследования.

Разговор о правовом государстве ведется как об идее, идеале или в историко-правовом аспекте, без привязки к конкретным особенностям нашего государства или в связи с другими проблемами. То есть наблюдается значительный разрыв между государственно-правовой теорией и практикой государственно-правового развития [2, с. 61].

Отсюда фрагмент государственно-правовой действительности теряет связи с целым (экономической, политической, социальной, духовной сферами общества). Назрела необходимость внимательного и глубокого изучения правового государства, его построения в тесной связи со всем комплексом общественных отношений в нашей стране.

Исходя из многократно подтвержденного общественно-политической практикой принципа относительной самостоятельности и взаимообусловленности общества, государства и права, логично предположить, что для стандарта идеального (правового) государства потребуется соответствующий высокий уровень правосудия. Если права и свободы личности декларируются в качестве высшей ценности правового государства, то ответственность за охрану и защиту этих прав возлагается на его правовую систему. Именно в этом заключается взаимная обусловленность указанных парных категорий.

Способно ли современное правосудие выполнять требования заданного правового государства, выносить решения на основе принципов гласности, независимости, состязательности?

Вследствие имеющейся в судебной среде коррупции состязательная модель не всегда рассматривается участниками процесса в качестве реального средства обеспечения своих интересов.

Преимущество в споре нередко обретает та сторона, которая более сильна экономически или обладает иными ресурсами неправового влияния. Состязание остается, но теряет свой юридический характер. Иначе говоря, кризис касается не столько состязательности, сколько правосудия вообще, как игрового способа разрешения конфликтов [3, с. 87].

Кризис правосудия, ощущаемый населением страны, порождает кризис доверия к судебной системе вообще. Черствость и бездушие судей по отношению к человеческому горю лишь увеличивает недоверие к судебной власти, к мотивам, лежащим за ее решениями.

Трудно не согласиться с мнением профессора М.А. Краснова, который считает, что, если бы в начале реформ судебная власть чудесным образом оказалась бы не просто подлинной властью, но еще и властью, человеческий субстрат которой (проще говоря, судьи, судейский корпус) стал носителем действительно правового (а не юридико-догматического) сознания, все последующее развитие страны пошло бы в совершенно ином русле. По-иному бы себя вели и первый Президент, и Правительство, и депутатский корпус, и региональные власти, и прокуратура, и полицейские органы, и спецслужбы.

Всего лишь потому, что судебная власть гораздо эффективнее создает реальные правила поведения, ограничения в сфере публичной жизни и через это более эффективно, чем даже выборы, позволяет осуществить селекцию людей, решающих посвятить себя публичной жизни (не обязательно политиков, но и журналистов, бизнесменов и т. п.) [4, с. 2].

Кстати, об этом же говорил в интервью, датированном октябрём 2001 г., тогдашний заместитель руководителя Администрации Президента Д.Н. Козак: «... начиная с 1991 г., главный упор делали на то, чтобы создать механизм независимости судей... Мы решили, что сама по себе независимость судей обеспечит нам все... Но это оказалось утопией» [5, с. 4]. На деятельность правосудия оказывает сильнейшее влияние господствующее юридико-догматическое мировоззрение.

Интересный выход предлагает М.Н. Марченко в своей статье «Умеренный» позитивизм и верховенство права в условиях правового государства» [6]. Он указывает на то, что в утверждении о полной несовместимости и чужеродности позитивного права правовому государству содержится глубокое внутреннее противоречие.

Ведь правовое государство, как бы его не идеализировали, остается ничем иным, как государством и, соответственно, для выполнения своих функций будет продуцировать позитивное право со всеми вытекающими последствиями, то есть будет соотноситься, хотя и в разной степени, с позитивным правом. Право здесь мыслится как инструмент государства, этируется, подвергается огосударствлению, рассматривается как форма осуществления государственной политики [7, с. 150].

Позитивное право никогда не остается раз и навсегда данным, с изменением окружающей среды оно развивается в направлении расширения и углубления своих демократических начал. При этом, несомненно, прав О.В. Мартышин, утверждая, что историческое время юридического позитивизма не прошло и не пройдет уже в силу его прикладного характера [8, с. 63]. К тому же далеко не все разновидности этического позитивизма могут быть увязаны с авторитаризмом, поэтому в правовом государстве он должен воплощаться в таком же соотносящемся с ним «идеальном» по сути и характеру праве.

Такого рода позитивизм можно было условно назвать «умеренным» позитивизмом. Будучи феноменом социальной природы и правосознания человека, естественное право не может и не должно противопоставляться позитивному праву как порождению воли и социальных устремлений человека. Позитивное право проявляется как реальность, далекая от совершенства, а естественное право выступает как идеал, представление о том, каким должно быть право [9, с. 39—42].

Вместе с тем В.М. Сырых верно подмечает, что позитивное право, как волеустановленное право может быть эффективным не во всех, а определенных случаях: когда оно является разумным, то есть обладает всеми признаками объективного права.

Иными словами, акцент должен делаться не на расхождениях, имманентно присущих этим правовым средам, а на их сближении.

Список литературы:

1. Баев В.Г. Правосудие и правовое государство: к вопросу о «примирении» категорий // Российская юстиция. 2014. № 5. С. 39—42.
2. Ветютнев Ю.Ю. Игровая концепция судебной процедуры // Современное право. 2009. № 12. С. 87.
3. Добрынин Н.М. Конституционализм и правовое государство: теория и практика взаимосвязи // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 3. С. 3.
4. Краснов М.А. У судебной власти есть только один защитник — общество // Российская юстиция. 2003. № 6. С. 2.
5. Левакин И.В. Актуальные проблемы государства и права // Вопросы философии. 2013. № 1. С. 61.
6. Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. — М., 1999. С. 150.
7. Мартышин О.В. О концепции учебника теории государства и права // Государство и право. 2002. № 8. С. 63.
8. Марченко М.Н. «Умеренный» позитивизм и верховенство права в условиях правового государства // Государство и право. 2012. № 4.
9. Яшманов Б. Судебной реформе быть? Интервью с Дмитрием Козаком // Российская газета. 2001. 1 ноября. С. 4.